

ВЕСЕЛЫЕ И НЕВЕСЕЛЫЕ ПОБАСЕНКИ ИЗ ВЕКА МИНУВШЕГО

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

ЛЮДМИЛА ЧЁРНАЯ

Людмила Чёрная

**Чудеса в решете, или
Веселые и невеселые
побасенки из века минувшего**

«НЛО»

2021

УДК 94(47+57)"19/20"
ББК 63.3(2)6-7

Чёрная Л. Б.

Чудеса в решете, или Веселые и невеселые побасенки из века
минувшего / Л. Б. Чёрная — «НЛО», 2021

ISBN 978-5-44-481650-9

Людмиле Борисовне Чёрной в декабре 2021 года исполняется 104 года. Долгая жизнь – при кажущейся своей желанности – на самом деле непростое испытание. Одиночество среди людей других поколений, физические недуги, ощущение неотвратимости смерти требуют от долгожителя особого мужества. Однако почтенный возраст нисколько не угасил ясности ума, политического темперамента и чувства юмора автора этой книги. «Теперь мне 103. Вышли в свет две мои толстые книги. Пишу третью, хотя не уверена, допишу ли. Когда работаю, рука не дрожит. А когда раз в три месяца помощница Лена привозит меня в Сбербанк и надо расписаться за пенсию, руки начинают дрожать... Чудеса...» Возможно, разгадка удивительной душевной молодости Людмилы Чёрной – в ее захваченности, очарованности жизнью и в самодисциплине. Высказываемые в книге суждения и оценки порой звучат вызывающе остро – тем интереснее знакомиться с образом мыслей автора и ее восприятием текущих событий. Перед нами не только свидетельство ровесницы «короткого XX века», но и, по выражению Н. С. Лескова, феномен «уходящей натуры». Людмила Чёрная (р. 1917) работала журналисткой-международницей, переводила художественную литературу (Г. Бёльль, Э.М. Ремарк, А. Дёблин, Ф. Дюрренматт). Вместе с мужем, историком Д.Е. Меламидом, исследовала нацистский режим в Германии и написала книгу о Гитлере «Преступник номер 1». Издала в «НЛО» книгу мемуаров «Косой дождь» (2015) и публицистический сборник «Записки Обыкновенной Говорящей Лошади» (2018).

УДК 94(47+57)"19/20"

ББК 63.3(2)6-7

ISBN 978-5-44-481650-9

© Чёрная Л. Б., 2021

© НЛО, 2021

Содержание

Часть I	7
Клара Цеткин в сыромятниках	7
Чудеса	9
Поезда дальнего следования	10
Мой муж Даниил Ефимович Меламид	12
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Людмила Чёрная

Чудеса в решете, или Веселые и невеселые побасенки из века минувшего

Моя благодарность всем тем друзьям и знакомым, которые помогли мне написать эту последнюю книгу. Отдельная благодарность Оле Шмид. Особая благодарность моему замечательному сыну Алексу Меламиду. В трудную минуту он всегда был со мной. Бросал все свои дела и мчался ко мне по старому московскому адресу. Сорок лет это было не так-то просто, волею судеб мы оказались на разных континентах. Без забот сына я, его сварливая мамаша, не смогла бы ни жить, ни тем паче писать. От всего сердца благодарю Петра Авена. Без его великодушной помощи ни одна из моих трех последних книг: мемуары «Косой дождь»; «Записки обыкновенной говорящей лошади»; «Чудеса в решете, или Веселые и невеселые побасенки века минувшего» никогда не увидели бы света.

Часть I

Клара Цеткин в сыромятниках (Вместо предисловия)

Эту историю поведала мне замечательная женщина и прекрасная актриса Лена К. Понятно, что в моем пересказе история очень многое теряет. Теряет уже потому, что я ничто лишена артистического дарования: не могу воспроизвести ни интонаций, ни мимики, ни жестов, которые были в рассказе моей дорогой подруги. Все равно. Попробую донести хотя бы фабулу рассказа.

1975 год. Москва. Советская власть уже в смягченном, брежневском, варианте. Но многое все еще неизменно, в частности – праздники.

Заметим, у советских людей их было до обидного мало – как мы говорили тогда, кот наплакал. Больших праздников два – ну, скажем, два с половиной. Один большой – 7 ноября, День Великой Октябрьской революции. Второй, 1 мая – кажется, День солидарности трудящихся всего мира или что-то вроде того. И еще половина большого праздника – 8 марта, Женский день. И, хотя в этот день все работали, праздник справлялся очень торжественно – а по моему, был особенно суматошный и дурацкий. В тот праздник мужчинам следовало дарить подарки всем знакомым женщинам. В условиях постоянного дефицита это было необычайно трудно, особенно холостякам. Женатым помогали, естественно, жены. Сослуживицам дарили шоколадки или несчастные мимозы, ибо других цветов в марте не бывало. А вот с начальницами приходилось поломать голову.

Однако тут я отклонилась от основной темы. Итак, праздников было мало – то есть я имею в виду больших всенародных государственных праздников. И вот, в канун одного из них, а именно – Первого мая, Лена и еще несколько актеров театра «Современник» репетировали «Двенадцатую ночь» Шекспира. Репетиции вел английский режиссер Питер Джеймс, который и у себя на родине, в Англии, ставил Шекспира. Ставил без всяких завиральных идей и вывертов. Но все равно, уже самый факт привлечения английского режиссера для постановки на русской сцене был для СССР чем-то небывало прогрессивным, почти потрясением основ. Но это а propos...

Итак, молодые актеры репетируют Шекспира. А время идет и идет. Уже очень поздно, почти ночь. А назавтра им опять собираться в театре для новой репетиции.

И тут Лена предлагает актерам не разъезжаться по домам, в разные концы Москвы, а отправиться к ней, переночевать в ее маленькой квартирке, которая находится недалеко от театра. И режиссеру тоже советует не ехать в гостиницу, а вместе со всеми отправиться к ней. Так и поступили. И Лена всех уложила спать хотя бы на несколько часиков. Актерам расстелила огромный ковер прямо в холле, набросала подушек, и они улеглись не раздеваясь. Режиссера положила в маленькой комнатке-кабинете. А сама сразу заснула у себя в спальне.

Но прошло всего несколько часов, как вдруг в дверь к ней постучал напуганный режиссер-англичанин.

– Лена, вставай скорее. На улице что-то происходит... Там кричат... Кого-то зовут.... Шум страшный. Что-то случилось. Пожар! Война! Землетрясение!

Надо сказать, что квартира Лены была в доме на шумной Садовой, недалеко от метро, но все окна выходили во двор, кроме одного в кабинетике, который находился в торце здания. А главное, напомним, что дело происходило в канун большого советского праздника 1 мая...

Войдя в кабинетик и приоткрыв окно, хозяйка квартиры сразу все поняла: трудящиеся собирались на демонстрацию.

И тут я попытаюсь воспроизвести ее диалог с ничего не понимавшим Питером Джеймсом.

– Они все время кричат «Клара Цеткин». Кто этот Клара Цеткин?

– Это женщина, немка, друг Ленина.

– Немка? Друг Ленина? Друг Ленина – немец? Немка? И она еще жива? Сколько же ей лет?

– Давно умерла, по-моему.

– Давно умерла? Они вызывают дух Цеткин? Ночью? Но почему так громко, ведь все спят? И почему целой толпой? И на середине улицы?

– Да нет же, они вызывают не дух. Это фабрика Клары Цеткин. Тут за домом такой район, фабричный, называется Сыромятники.

– У Цеткин фабрика? Она друг Ленина – капиталистка из Сыромятники? Не понимаю, совсем не понимаю...

– Я же говорю, тут фабричный район и фабрика имени Клары Цеткин. Коммунистки, друга Ленина.

– Совсем не понимаю. Она, Цеткин, имеет фабрику в фабричном районе? Но почему ее поднимают среди ночи с постели? Ах, да! Она давно умерла. И они вызывают ее, как дух отца Гамлета... Короля?

– При чем здесь Гамлет? Гамлет здесь совершенно ни при чем и король, отец Гамлета, тоже. Ради бога! Я говорю о живых людях. Я говорю, что на улице собирают фабричных. Слышите? Сейчас созывают рабочих с завода «Серп и молот».

– Молотов? Ваш министр? Разве он не в отставке? Немец Клара Цеткин и министр Молотов! Опять война? А где Риббентроп? Но ведь его в Нюрнберге повесили! Клянусь, я у вас в Москве сойду с ума. Клара Цеткин. Молотов. Ленин... Крики на улице в пять часов ночи...

– И ничего это не пять часов ночи. Это уже шесть часов, почти полседьмого утра. И людей с фабрик и заводов собирают, чтобы идти на Красную площадь. Приветствовать...

– Зачем идти на Красную площадь? В шесть часов утра? И с Молотовым, и с Цеткин?..

* * *

Прослушав этот рассказ о «глупом» англичанине, который, видимо, так и не понял, что советские люди в два самых главных праздника собирались еще в полной темноте у своих фабрик, заводов и учреждений, чтобы вместе с родным коллективом дойти до Красной площади – а главное, чтобы пройти по ней перед мавзолеем, где недвижно стояли вожди.

Что? «Пройти по ней», то есть по Красной площади, «перед мавзолеем»? На самом деле, много раз проделав сей путь, я ни разу не проходила перед мавзолеем – я всегда перед ним пробегала. Так уж было задумано.

Сперва мы шли, шли и шли. Стояли, стояли и стояли. Потом опять шли и шли. А как только оказывались рядом с мавзолеем, начинали бежать, слыша крики: «Скорей! Скорей!» Не дай бог остановиться – на тебя набегут очередные шеренги. А при выходе с Красной площади, возможно, выдернут из толпы и затолкают в воронок. Только тебя и видели...

Однако это последнее, насчет воронки, – домысел. А все остальное – чистая правда.

К сожалению, если Питер Джеймс оказался таким «непонятливым» потому, что он был англичанин, то есть из другого, капиталистического, мира, то сейчас многие люди не хотят понимать прошлого, потому что они родом совсем из другой эпохи, можно сказать, с другой планеты.

Чудеса

Когда я всерьез решила взяться за свои мемуары, мне было лет 95. Больше всего меня пугало то, что уже нет старых пишущих машинок, на которых я отстукивала черновики своих переводов и статей. Как же писать? Осваивать интернет – поздно. Оставалось одно – писать от руки и искать переписчицу с компьютером и принтером. Но у девяностопятилетней старухи, как правило, дрожат руки. Я не была исключением из этого правила. Расписываясь в Сбербанке за пенсию, чувствовала, что пальцы меня не слушаются.

Теперь мне 103. Вышли в свет две мои толстые книги. Пишу третью, хотя не уверена, допишу ли. Когда работаю, рука не дрожит. А когда раз в три месяца помощница Лена приводит меня в Сбербанк и надо расписаться за пенсию, руки начинают дрожать...

Чудеса...

Поезда дальнего следования

Мне очень жаль моих очаровательных правнуков – им не придется часто путешествовать в поездах дальнего следования на сравнительно короткие расстояния. А как это было прекрасно: два – два с половиной дня быть в пути. Никуда не спешить, не нервничать.

Приезжаешь с чемоданом на вокзал. Садись в свой вагон. Прощаешься с провожающими. Но знаешь, что они не уйдут, пока поезд не тронется, – таков ритуал. Надо еще помахать рукой на прощанье уходящему составу. И ты уже мысленно одна. А вот и впрямь одна. Засыпаешь под перестук колес на влажных простынях – в поездах постельное белье всегда было влажным, – но это тебе почему-то не мешает. Просыпаешься утром. Стоишь в проходе, ждешь своей очереди к умывальнику. Чистишь зубы, быстро ополаскиваешь руки, лицо...

На завтрак у тебя взятые из дома крутые яйца и белый хлеб, но ты еще тянешься за жареной курицей, предназначенной на обед. Ни этой курицы, ни огромных кусков белого хлеба ты не стала бы есть дома – ни за что! И не вкусно, и губительно для талии... В вагоне все это поглощаешь с волчьим аппетитом. А потом еще запиваешь темно-коричневым, непонятного вкуса чаем – его заваривают прямо в металлическом чайнике. А потом проводник разливает чай по стаканам в подстаканниках и разносит их по вагону...

Наконец, выходишь из купе и долго-долго стоишь в коридоре у окна. Видишь, что твой поезд оставляет позади все новые и новые перелески. Слышишь, как паровоз время от времени начинает протяжно гудеть... Почему? Зачем?

А если едешь на юг, тебя еще ждет особый праздник. На небольших станциях (они называются не узловыми) к твоему вагону выходят бабы со всякой снедью – с только что сваренными початками кукурузы, с малосольными огурчиками, с жареной рыбешкой... Словом, свободная торговля, давным-давно запрещенная в Советском Союзе...

Увы, все это минует моих драгоценных правнуков – восьмилетнюю Люси и шестилетнего Лэна. Впрочем, как знать?... Может быть, им предстоит ездить в командировки на Луну – а значит, быть долго в пути. Тут, видимо, без скафандра не обойтись. Но скафандры – это тебе не уютно-пыльный вагон в поезде дальнего следования.

Нет, ничего не сравнится с неспешными поездками в старых, добрых поездах!

Говоря о приятном времяпрепровождении, которое ожидало человека в дороге, я еще не упомянула о самом замечательном: о разговоре с неожиданным попутчиком, который вдруг оказался твоим близким соседом на целых двое суток.

Об одном таком человеке я и веду рассказ.

В тот раз мы с мужем ехали отдыхать почему-то в Батуми. Было это, наверное, лет через десять после конца войны.

Прокручивая в голове события давнего и недавнего прошлого, я всегда сопоставляю их с историческими катаклизмами, иначе ничего не поймешь.

Итак, мы ехали отдыхать в Батуми, который был тогда, естественно, как и вся Грузия, одной страной с Россией. Ехали в «мягком» вагоне, который, впрочем, мало чем отличался от «жесткого».

Поезд уже шел, как вдруг к нам в купе заглянул военный в защитного цвета форме и в фуражке с голубым околышем. А за его спиной маячил проводник. Увидев женщину, то есть меня, военный повернул было назад. Но проводник взмолился: «Товарищ полковник, пустых купе нет... Всюду пассажиры...»

Так товарищ полковник стал нашим попутчиком. Был он еще не старый, в меру располневший, в меру плешивый, но отнюдь не лысый, отменно вежливый. Предложил мужу поменяться местами: спать на нижней полке. Муж отказался. Однако полковник все равно ночью спал наверху – наверное, чтобы не мешать мне.

Первые сутки мы с полковником разговаривали только по делу. А на вторые военного словно прорвало. Муж спал на верхней полке, а я слушала, затаив дыхание.

Полковник рассказал, что какое-то время в годы войны его летная часть и летная часть женщин-пилотов располагались недалеко друг от друга – и притом довольно долго. И вот одна из летчиц отчаянно влюбилась в него. И он в эту девушку влюбился тоже. И все это знали, но никто не осуждал, хотя он был командиром своей части. Но кто осудит, если смерть ходила совсем рядом? Рядом с ними со всеми?

Особенно подробно наш случайный попутчик рассказывал, как он тревожился, когда любимая летала бомбить немцев... Ее самолетик был такой небольшой, такой уязвимый, такой хрупкий по сравнению с его тяжелым бомбардировщиком. Одно слово – «кукурузник». И вот короткой летней ночью девушки летят в сторону фрицев. Проходит время, и они уже порознь возвращаются на свой аэродром. А он не сводит глаз с неба. Самолетика любимой все нет и нет – и вдруг он все же появляется. И наш полковник, тогда еще вовсе не полковник, хватается за машину и мчится на аэродром встречать свою девушку...

Более искреннего рассказа и более прекрасной повести о двух любящих сердцах я никогда не слышала. Видно, что эта история была всегда с ним.

Прошло время, и летные части передислоцировали. Наш попутчик и его девушка расстались, но писали друг другу, она ему – чуть ли не каждый день. Потом пришла Победа... Но и в дни Победы они оказались далеко друг от друга. Так и не встретились.

А потом... Ну а потом он вернулся домой – к жене. И запретил девушке писать ему. Она ужасно переживала, но не посмела перечить.

На сем исповедь случайного попутчика закончилась. Он замолчал. Я тоже молчала, хотя внутри у меня все кипело. Почему он так жестоко обошелся с любимой женщиной? Не могла я понять этой жестокости, но возразить боялась. Видела, что попутчик не ждал моих советов – просто излил душу незнакомому человеку. Через какое-то время я не выдержала и спросила летчика, почему он так решил – решил порвать с той девушкой?

Попутчик посмотрел на меня с недоумением, пожалуй, даже неприязненно, и сказал:

– Мы с женой с детства жили рядом. Калитки наши были почти впритык. Ходили в одну школу. Я носил ее портфельчик. Она ждала, пока я учился в летном училище в Ейске. Потом сыграли свадьбу. Она провожала меня на войну. Опять ждала. Мыкалась с нашими двумя детьми... Как я мог не вернуться к ней, уйти к другой?

Он встал и покинул купе. Больше никаких долгих разговоров у меня с полковником не было. Муж проснулся. А не доезжая до Батуми, летчик надел форменный мундир с длинной орденой ленточкой. Попрощался с мужем и со мной и сошел с поезда. А я, как могла, пересказала мужу историю любви, которую попутчик мне поведал.

Прошло много-много лет. И я вспомнила рассказ, который услышала от совершенно незнакомому человека, – вспомнила и подумала, что этот человек, наш с мужем случайный попутчик, был прав.

Верность, чувство долга выше самой красивой любви. Наверное?

Мой муж Даниил Ефимович Меламид

Самая длинная глава – такая же длинная, как моя пятидесятилетняя совместная жизнь с Д. Е.

Предваряя рассказ о Д. Е. в молодости, скажу, что и тогда, и до самой смерти все друзья и знакомые, а также все товарищи по работе звали мужа Тэк – видимо, еще его гимназической кличкой в Германии в самом начале 1930-х.

Познакомилась я с Д. Е. в далеком военном 1942 году, в тассовской редакции контрпропаганды и дезинформации, куда он взял меня на работу. Редакция эта, состоявшая из хороших и опытных журналистов разного возраста, держалась исключительно на нем – молодом человеке, только несколько лет назад закончившем исторический факультет МГУ.

Тогда Д. Е., мой начальник, ежедневно придумывал десятки тем для «дезов» (дезинформационных сообщений) и раздавал их своим сотрудникам, сочинявшим эти дезинформационные сообщения для «войны в эфире».

На всякий случай растолкую, что такое «дезы»: «дезы» – это дезинформационные сообщения, попросту фейки, заведомая ложь, которая передавалась по радио противнику. К примеру, мы, в данном случае ТАСС, передавали немцам, что генерал Икс впал в немилость у Гитлера и что этот, один из самых успешных и знаменитых генералов может быть «задвинут» или даже разжалован. Через несколько дней вслед этой «дезе» про генерала Икс шла новая «деза», где уже давались подробности первой «дезы». Мол, у генерала Икс опять был неприятный разговор с фюрером. Далее шла целая цепочка таких «дез», каждую из которых нужно было оформить как можно правдоподобнее. Сотрудники Д. Е. были чрезвычайно квалифицированные люди, а самого Д. Е. в шутку называли «лорд Ванситтарт» – видимо, потому что этот неизвестный нам лорд исполнял в Англии похожую роль.

Но, кроме «дезов» для «войны в эфире», требовались и контрпропагандистские статьи. Их писали три журналиста, в том числе и я – самая молодая в редакции.

Кроме того, Д. Е. командовал довольно большим числом референтов и другим вспомогательным персоналом. Наконец, он же «не замечал», что два весьма уважаемых партийных товарища, его замы, сидя в отдельном кабинете, занимаются своими делами... и палец о палец не ударяют ради редакции.

Работали на редакцию и многие молодые, и не очень молодые начальники и сотрудники из других отделов. А Яков Семенович Хавинсон – руководитель ТАССа в ранге наркома (министра) – в Д. Е. души не чаял.

Как я поняла потом, вся эта редакция дезинформации и контрпропаганды была детищем Д. Е. – и не в переносном смысле слова, а в самом что ни на есть прямом... Как же это произошло?

Д. Е. закончил университет в 1938 году, и его оставили в аспирантуре. Но семья Д. Е. нуждалась в заработке, и молодому человеку пришлось распрощаться с кафедрой истории Средних веков. Он перешел в заочную аспирантуру и начал работать.

Выпускника МГУ, всего лишь кандидата в члены ВКП(б), распределили в ТАСС на очень скромную должность референта по Германии в справочной. Благо Д. Е. – особенно по тем временам – обладал неоспоримым достоинством: для него немецкий язык был не иностранным, а вторым родным. Он почти закончил немецкую гимназию – и при том его отец Ефим Александрович не занимал поста ни посла, ни полпреда, ни советника посла в советском посольстве или советника полпреда в советском полпредстве – alias советском торговом представительстве. Отец Д. Е. был всего лишь евреем, бежавшим в Германию от Гражданской войны

и поступившим в советское торговое представительство на более чем скромную должность бухгалтера... Естественно, в начале 1930-х, когда Гитлер набирал все большую силу, семья вернулась в Советский Союз. Но отца, в отличие от других иностранцев более высокого ранга, в годы Большого террора не казнили и даже не посадили. И, когда я познакомилась с Ефимом Александровичем уже в конце войны, он трудился бухгалтером в булочной и, увы, только изредка «отоваривал» мои хлебные карточки: давал вместо черного, плохо пропеченного хлеба, белый, тоже весьма плохого качества.

При всем при том Ефим Александрович, как я выяснила много позже, был в ту пору одним из очень немногих людей, изучавших арамейский и другие древние языки, послужившие основой для создания иврита. Немного больше честолюбия и энергии – и отец Д. Е. мог бы стать... профессором, известным человеком¹...

Но вернемся к Д. Е.

Даже в Германии до прихода к власти Гитлера Д. Е. оказался везунчиком: его дядя в годы Веймарской республики был богатейшим человеком и, естественно, помогал родственникам – в частности, оплатил привилегированную гимназию, в которую поступил племянник. В этом учебном заведении до уроков ученики посещали бассейн, а потом не то массажист делал им массаж, не то они массировали друг друга.

Д. Е. и в этой гимназии, хотя и мальчика из незнатной семьи, да еще и еврея, очень выделяли за его способности и ум. Поистине, везунчик.

И снова перенесемся в Москву.

Итак, Д. Е., то есть Тэк, работает в справочной в должности референта по Германии. Его задача читать текущую немецкую прессу и выписывать из нее на карточки особенно важные сообщения, переводя их на русский язык. Ну, а после раскладывать эти карточки по соответствующим ящикам.

Все сие происходит как раз в период нашей отчаянной дружбы с нацистской Германией.

Но вот 10 мая 1941 года в рейхе Гитлера случилось нечто небывалое. Второй человек в стране, заместитель фюрера Рудольф Гесс, угнал самолет и... улетел в Англию, несмотря на строгий запрет братья за штурвал. Гесс летел к врагу – ведь Англия была в разгаре войны с Германией.

Официальное объяснение с немецкой стороны состояло в том, что партайгеноссе Гесс внезапно... сошел с ума.

Естественно, информационные службы всех стран мира были полны сообщений об этом непонятном полете – никто не поверил, что Гесс внезапно спятил. Возникло множество толкований и много вопросов. Знал ли Гитлер о планах Гесса или не знал? И кто за этим стоит? Была ли какая-то договоренность у Гесса с англичанами или ее не было? И с кем именно, если была? И как этот поступок второго лица в нацистской Германии повлияет на ход войны?

На второй день после загадочного происшествия САМ СТАЛИН позвонил в ТАСС по вертушке – специальному кремлевскому телефону. И Хавинсон, ответственный руководитель ТАСС, взяв трубку и услышав голос вождя – может, в первый и последний раз в жизни, – узнал, что Сталин требует от него прочесть все официальные сообщения о полете Гесса в Англию и комментарии к ним. Тут Хавинсон, не читавший ни на одном иностранном языке, не растерялся и позвал на подмогу Д. Е.

И тот настолько толково изложил все Сталину, отделив информацию от дезинформации, что Вождь осведомился, как фамилия референта. И тогда, назвав свою фамилию, Д. Е. ска-

---

¹ Теперь понимаю, что, если бы Ефим Александрович добился известности как знаток древних языков – основ иврита, он бы, несомненно, вошел в Антифашистский комитет и его постигла бы участь всех членов этой организации, то есть гибель в сталинских застенках.

зал ему, что в Москве надо бы создать службу дезинформации, поскольку во всех остальных крупных державах таковые уже существуют.

И, о чудо! Сталин так и сделал! По решению ЦК ВКП(б) от 1941 года в ТАСС появилась редакция контрпропаганды и дезинформации, а ее руководителем был назначен Мелаид Даниил Ефимович.

Вы спросите, почему я не написала раньше о сей поразительной истории, только вскользь отразив ее в своих мемуарах – книге «Косой дождь»?

Не написала потому, что в редких рассказах Д. Е. история эта все время видоизменялась в зависимости от слушателей и настроения рассказчика. Я ее помню и в таком варианте:

Муж: «Я сидел в кабинете Сталина. И, покуда он говорил, его голова все ниже и ниже склонялась, а потом и вовсе упала на грудь».

Как литератор, всю жизнь проживший в России, я тупо доверяю только одному методу рассказа – реализму. А всякие фантазии в стиле барона Мюнхгаузена меня бесят. Хотя я уже давно поняла, что выдумки мужа объяснялись его неистребимым ребячеством.

Недаром соученики мужа по университету, сколько я их помню, рассказывали, что Д. Е. гордился отнюдь не своими успехами в науках, а только тем, что на сборах будущих призывников лучше всех разбирался в пулемете, а также был членом вузовской команды легкоатлетов и выступал на московских студенческих соревнованиях.

Рассказ Д. Е. о его карьерном взлете документально подтвержден. Бывший сослуживец мужа по ИМЭМО Петр Черкасов, роясь в архивах, обнаружил решение ЦК КПСС о назначении еще совсем молодого Д. Е. Мелаиды заведующим редакцией контрпропаганды в ТАСС.

Заметим, в высочайшем рескрипте слово «дезинформация» вообще отсутствует, хотя именно таким было официальное название редакции, – его нет по причине «секретности». Какая дезинформация в насквозь правдивом советском государстве?! Этого не может быть потому, что не может быть никогда!

Но пойдем дальше. Для мужа тогдашнее решение ЦК было судьбоносным. Оно стало для него своего рода оберегом, талисманом или, скорее, охранной грамотой на долгие годы, до самой смерти Сталина.

Несмотря на дикий послевоенный сталинский антисемитизм, и уже после того, как редакцию контрпропаганды и дезинформации в ТАСС ликвидировали, Д. Е. все равно никогда не увольняли и, стало быть, не объявляли тунеядцем.

Уверена, что причина была в одном: начальство не хотело брать на себя ответственность: мол, кто знает, почему этого «еврейца» ЦК ВКП(б) назначило на такой высокий пост? Лучше с ним не связываться. И главное, не переспрашивать: переспросишь – и тебя сразу на Колыму.

Все восемь лет от конца Отечественной войны до смерти Сталина Д. Е. проработал в Совинформбюро – весьма невыразительном в условиях мира учреждении, в столь же невыразительной должности обозревателя. Теперь я поняла, что там пристраивали всякого рода отставников – к примеру, бывших коминтерновцев.

Бок о бок с Д.Е., в той же должности, был и некий Мирон из Коминтерна – папаша двух дочек, одна из которых стала женой Шинделя, в будущем Лазарева, фактического хозяйина влиятельного в 1960–1970-е журнала «Вопросы литературы» (или, как острили, журнала «Вопли»).

И эта, как казалось бы, пустая деталь сыграла двадцать лет спустя свою роль в судьбе Д. Е. и в моей тоже.

После смерти Сталина

В послесталинскую эпоху Д. Е. сразу пошел в гору: стал сотрудником и очень скоро членом редколлегии нового журнала «Международная жизнь», который, в отличие от «Нового

времени», был чисто мидовским изданием, то есть официозом. Соответственно, его главным редактором назначили.... Громыко – не самого блистательного русского дипломата из тех, кого знала история².

Уже из «Международной жизни» Д. Е. попал в Нагорное, где бригада умников пыталась как-то сформулировать иностранную (международную) политику советского государства после смерти Сталина и, кажется, написать соответствующий учебник.

При Сталине Нагорное было, вероятно, каким-то «закрытым» для простых смертных, номенклатурным санаторием... Посреди леса стоял глухой забор с пропускной будкой, а за забором – с десятков домиков, где на всем готовом жили такие же, как Д. Е., специалисты. Кроме того, в Нагорном был главный корпус, и там помещались столовая, библиотека, очевидно, бильярдная, кинозал и т. д. А также здание для прислуги – ее в таких заведениях называли обслугой.

В кинозале раз в неделю крутили иностранные фильмы, которые в СССР дозволялось смотреть только номенклатуре. Благодаря кинозалу я и побывала несколько раз в Нагорном: ведь к номенклатуре принадлежала и моя любимая Наталья Сергеевна Сергеева – главный редактор «Нового времени». Сообщив ей, что вечером можно посмотреть хороший фильм, я вместе с Н. С. приезжала к Д. Е. Машину Сергеевой впускали за забор, на «сакральную» территорию...

И тут я вынуждена сделать небольшое отступление.

В Нагорном Д. Е. провел всего три-четыре месяца от силы. Никакого особого влияния на его дальнейшую карьеру это обстоятельство не имело. Учебника, который в Нагорном писался, я в руках не держала – не знаю даже, вышел ли он в свет.

Тем не менее, о чем бы я ни рассказывала в своих мемуарах и заметках, я обязательно вспоминаю Нагорное. И не только потому, что в конце застоя идея коллективного творчества переросла, очевидно, в коллективные бдения на Рублевке под руководством Андропова – тогда еще не генсека, а главного гэбэшника. Отнюдь не только.

Меня потрясала сама идея: посадить, образно говоря, за один письменный стол совершенно разных людей и заставить их сотворить, опять же образно говоря, истину в последней инстанции, или, скорее, выработать какую-то новую концепцию и облечь ее в какие-то новые слова...

Конечно, в мире существовало немало примеров того, как люди творили-писали, ну, скажем, вдвоем, или, как мы острили в молодости, «оба-два»... Братья Гонкуры, Эдмон и Жюль, вместе сочиняли романы. Братья Гримм, Якоб и Вильгельм, вместе собирали немецкий фольклор, а потом издали толстый том «Детских и семейных сказок». И много еще известно совместных работ. Под именем Козьмы Пруткова сочиняла острые сатирические заметки целая группа русских писателей: Алексей Константинович Толстой – автор известных исторических романов, к примеру, «Князя Серебряного» – и братья Александр, Алексей и Владимир Жемчужниковы.

Наконец, я еще застала наших несравненных сатириков Ильфа и Петрова – авторов бессмертных «12 стульев», «Золотого тельца» и «Одноэтажной Америки». После смерти Ильфа даже ходила к Петрову, показывала наш студенческий – мой, Лени Шершера и Раи Либерзон – недописанный сатирический роман.

Перед экзаменами по зарубежной литературе ифлийцы-западники отправлялись в Ленинскую библиотеку и читали там учебник Корша и Кирпичникова – но, кажется, Корш и Кирпичников были просто авторами разных глав... Однако не буду мелочиться – что там

---

² Насчет Громыко я сильно заблуждалась, написав эти строки, – как известно, все познается в сравнении. Так вот, на фоне теперешнего министра РФ Лаврова Громыко был, безусловно, замечательным дипломатом, радующим о благе родины. И не забудем, что он один из тех, кто сделал возможным переход из эпохи Брежнева – Черненко в эпоху Горбачева.

какие-то неизвестные Корш и Кирпичников! Ведь вместе творили даже Маркс и Энгельс... «Призрак коммунизма бродит по Европе» – это их общая фраза-лозунг. А ведь основоположники марксизма жили в разных странах.

Однако в каждом случае содружество (сотворчество) авторов было не случайным – отнюдь нет. Писали, творили вместе люди, связанные друг с другом иногда родством (братья Гонкуры, братья Гримм) и – обязательно – общими взглядами-оценками окружающего, склонностями, симпатиями и антипатиями, общим восприятием окружающего мира. Иногда – общей способностью видеть смешное, как в случае с Ильфом («загадочной еврейской душой») и Петровым («загадочной русской душой»)...

В Нагорном же собирали совершенно разных людей, в лучшем случае знакомых только шапочно – к тому же, полагаю, опасавшихся друг друга. Ведь в те годы считалось, что каждый человек в СССР, особенно партиец, просто обязан сигнализировать (стучать), если считает, что его знакомые не вполне лояльны ко властям предержащим и, упаси бог, критикуют их...

И именно эти разные люди должны были создавать новые учебники, формулировать новые основополагающие мысли о новой политике СССР!

(В Нагорном работала не только группа Арбатова, но и группа академика Минца, занимавшаяся компартиями в капстранах.)

Странная, диковинная выдумка советской власти, продержавшаяся до самой Революции 1991-го! Хотя ясно, чем она была вызвана, что ее породило. Этой причиной был страх *личной ответственности*. Даже сам Сталин требовал, чтобы расстрельные списки, где фигурировали крупные политики-ленинцы, подписывали *все* члены политбюро.

Но при таком подходе не могла возникнуть ни одна действительно новая мысль, вообще было невозможно любое творчество-сотворчество.

Давно пора заканчивать размышления о Нагорном. Хочу лишь добавить напоследок, что в данном случае скаредная советская власть проявляла небывалую щедрость. За те месяцы, которые «населники» пребывали в Нагорном – на свежем воздухе и при усиленном (кремлевском) питании, – им полностью выдавали зарплату по месту работы: ни сам «творец» новых идей, ни его семья не должны были ни в чем нуждаться...

Уже в Нагорном Д. Е., видимо, оказался не ко двору. Он рассчитывал на коренные изменения в нашей внешней (международной) политике, однако ни в Нагорном, ни в журнале «Международная жизнь» ничего такого не предполагалось.

Не знаю, как в высших сферах, но на уровне журнала и Нагорного все сразу стало забалтываться. В ход пошла старая бодяга о приоритетах и о несокрушимости марксизма-ленинизма. В сталинском дворце на Смоленской, в МИДе, надолго воцарился Громыко плюс в ООН – Вышинский, прокурор-палач на так называемых показательных процессах.

И тут Д. Е., при всей своей кажущейся непрактичности – он был все-таки человеком практичным, или скорее здравомыслящим, – вспомнил о прерванной научной карьере. Он, впрочем, никогда не рвал ни с кем и ни с чем окончательно, а уж с наукой тем паче. В частности, Д. Е. возобновил старые связи с воссозданным институтом венгерского коммуниста, академика Варги – институтом, ставшим в будущем ИМЭМО³.

За спиной Д. Е. была кандидатская диссертация. Защитил он ее в 1947 году, так сказать, в самый последний момент, когда при Сталине евреям еще можно было это делать.

И при выборе темы Д. Е. снова проявил свой недюжинный ум. Он написал работу о так называемом «Генеральском заговоре» 20 июля 1944 года против Гитлера. Тема по тогдашним временам странная... Нацистская Германия повержена в прах окончательно и бесповоротно. Уже существуют две Германии – социалистическая ГДР и капиталистическая ФРГ. Нюрнберг-

---

³ Институт мировой экономики и международных отношений, создан в 1956 году.

ский процесс прошел. Зачем же ворошить прошлое, вспоминать заговор аристократов-военных?

Даже Эренбург, с его поразительной проницательностью и талантом, откликнулся на взрыв в гитлеровском бомбоубежище «Вольфшанце» («Волчье логово») дурацкой, чисто советской пропагандистской статьей, из которой следовало, что этот заговор по чистой случайности не покончил с Гитлером. В частности, Эренбург писал вслед этому покушению, осуществленному графом Штауффенбергом, что генералы («генеральский заговор»), мол, в последний момент решили избавиться от Гитлера, дабы заключить сепаратный мир с союзниками и спасти свою шкуру.

Однако умный Эренбург должен был бы понимать, что ни о каком сепаратном мире с Германией в ту пору не могло быть и речи. Без СССР, с его гигантской армией, никто не сел бы за стол переговоров с немцами.

А сколько сотен тысяч солдатских жизней можно было бы спасти! И не солдат союзников – их, как могли, берегли Черчилль, Рузвельт, да и собственные генералы, – а жизни наших воинов! Конечно, руководители заговора об этом не думали – они хотели всего лишь избежать бессмысленных разрушений последних военных месяцев...

Итак, Д. Е. написал о нескольких десятках смельчаков, которым не удался заговор. В СССР, естественно, его диссертация не имела никакого резонанса. Даже слово «покушение» давно исчезло из нашего лексикона – сами понимаете почему... Но зато диссертация Д. Е. сделала его любимцем обеих Германий – ГДР и ФРГ.

Опираясь на эту работу, режиссер-документалист из ГДР Карл Гасс снял фильм о заговоре. Кажется, он назвал свою ленту «Революция по телефону». И этот фильм с одинаковой гордостью смотрели немцы как в ГДР, так и в ФРГ.

В годы перестройки, то есть спустя десятилетия, когда я с больным мужем приезжала уже в объединенную Германию на разные коллоквиумы, чтения, собрания и даже митинги, меня знакомили в бывшем ФРГ с уже состарившимися участниками или вдовами участников заговора 20 июля 1944 года. Эти старички и старушки, обладавшие громкими титулами, – представители лучших родов Германии – поражали и своим демократизмом, и желанием делать добро... А также, увы, наивностью!

Однако вернусь к моему мужу Д. Е.

Имея за спиной диссертацию и звание кандидата наук, в 1958 году он перешел из журнала «Международная жизнь» в бывший институт Варги, который после войны постепенно превратился в огромное влиятельное заведение и получил название ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений. А после смерти Е. Примакова, который был короткое время одним из директоров института, стал носить его имя.

Но прежде, чем писать о деятельности Д. Е. в ИМЭМО, все же хочу объяснить, что же представлял собой этот институт, в котором так долго трудился муж...

И тут, и далее мне не обойтись без доктора наук и членкора Академии наук П. Черкасова, который совсем юным саратовским пареньком начал свою работу у Д. Е., а впоследствии стал другом всей нашей семьи. В 2016 году он, с присущими ему добросовестностью, талантом и умной доброжелательностью, написал гигантский том (872 с.) «ИМЭМО. Очерк истории». Без этой книги я очень многого так и не узнала бы о работе Д. Е.

Итак, пересказываю Черкасова:

«ИМЭМО – Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук, был создан в 1956 году по решению XX съезда ЦК КПСС и призван информировать и консультировать высшее советское руководство по вопросам современного мирового развития».

Очень похвально! Институт, его ученые будут информировать «высшее советское руководство», сиречь власть, о «мировом развитии...».

Но прежде, чем дальше пересказывать П. Черкасова, скажу, что основные годы работы Д. Е. в ИМЭМО совпали с временами застоя, что, естественно, самым непосредственным образом отразилось и на международной политике советского государства, и на ИМЭМО.

Робкие попытки Хрущева сблизить СССР и США – кукурузная эпопея и выступление в ООН, где наш генсек, сняв башмак, стучал по деревянной обшивке своего сиденья, сделали Никиту посмешищем и в Советском Союзе, и в Америке, по-моему, он этого не заслужил...

Брежнев в международные дела особенно не лез, предпочитал следовать старым сталинским курсом, только более мягким. До поры до времени следил, чтобы так называемые страны народной демократии не сильно бунтовали... А в друзьях держал маоистский Китай, Кубу плюс самые отсталые страны Южной Америки и Африки... Их СССР изо всех сил подкармливал, кое-кого даже содержал.

Министра иностранных дел Андрея Громыко, как и Молотова, на Западе прозвали «гоппин НЕТ» – оба они на всякий случай отвечали отказом на любые конструктивные предложения, по принципу «как бы чего не вышло».

А как иначе? Все ведомства Громыко и все вообще дипломатические учреждения за границей были буквально прошиты гэбэшниками. При Сталине гэбэшники знали, что их время от времени сменяют, то есть что старым кадрам позорной смерти не избежать... Новые, после-сталинские, их коллеги ничего такого не боялись – они были всемогущи.

При Брежневе даже послы ссорились с собственными женами только на улице, а не в стенах посольства. Но и на улице разговаривали, отвернувшись друг от друга: боялись, что слова прочитают по шевелению губ... Это не я выдумала, это рассказал мне сын видного заграничного работника...

Словом, политика советского государства при Брежневе никак не соотносилась с «современным мировым развитием», о котором власть должны были будто бы информировать ученые из ИМЭМО – как раз наоборот... И с этим *volens nolens* надо было считаться руководству института.

Поэтому так важно, по-моему, отметить, что все академики – и в первую очередь академик Иноземцев, который долгие годы возглавлял ИМЭМО, – безусловно, были порядочными людьми.

Д. Е. явно повезло. Хотя даже везение в то время было относительным.

1960-е воспринимаются сейчас как более-менее свободные, даже прогрессивные. Однако интеллигенции в СССР, за исключением небольшой кучки столичных гуманитариев, никакой прогресс не коснулся, она продолжала жить, «под собою не чуя страны».

«Мальчики в коротких штанишках» – так в будущем назвали «команду» Егора Гайдара, нашего великого реформатора, – по-прежнему работали в своих закрытых институтах, лабораториях и конструкторских бюро, по большей части засекреченных. А некоторые и жили в закрытых, засекреченных городах. Я не говорю уж об академике Сахарове – создателе водородной бомбы.

Застой, конечно, был не так опасен, как сталинизм, но тоже отвратителен: люди по-прежнему врал, фальшивили, старались обмануть и других, и себя. Двуличие, трусость, отсутствие всякой инициативы изъязвляли все общество.

В ИМЭМО большая часть сотрудников была занята экономикой зарубежных стран, немного меньшая – политикой.

Сектор, который много лет возглавлял Д. Е., занимался политикой.

Естественно, ИМЭМО, как и всякое государственное образование, подчинялось неумолимым бюрократическим законам и, стало быть, все расширялось и расширялось. И до того

расширилось, что построило себе на Юго-Западе Москвы, на Профсоюзной улице, небоскреб – высотное здание в 21 этаж, – где с трудом уместились 1200 институтских сотрудников⁴.

Разумеется, дом на Профсоюзной был оснащен и современной, по тогдашним представлениям, техникой. На первом этаже размещался огромный ксерокс, доступ к которому неза-секреченным сотрудниками был запрещен.

Имелся в небоскребе ИМЭМО и актовый зал (конференц-зал), на сцену которого иногда выходил молодой Жванецкий со своим потрепанным портфельчиком и читал вынутые оттуда миниатюры. Ничего подобного от Жванецкого мы больше не слышали, ведь каждая из миниатюр была ударом под дых тогдашним властям... А кто же согласится бить власть под дых, если ты уже состарился⁵?

Выступал на сцене института и молодой Андрей Тарковский, демонстрировал свой фильм «Солярис». Показался мне озлобленным и неприятным, особенно по контрасту с его отцом – поэтом Арсением Тарковским, которого я очень любила.

Молодой, веселый Михалков показывал ленту «Родня», отвечал на вопросы, хвалил Тарковского, вообще был очень мил и никакой «державностью» от него и не пахло...

К сожалению, не всегда я присутствовала в том актовом зале – может, многое интересное пропустила.

Согласно всесильным законам бюрократии, ИМЭМО не только непрерывно расширялся, но и одновременно «делился», как амеба, – вернее, от него отпочковывались все новые и новые институты. Первым отпочковался Институт рабочего движения, вторым – Институт США и Канады, третьим, новым, стал Институт Европы, четвертым – Институт соцсистемы.

О секторе мужа и я могу сказать несколько слов. В нем, по-моему, с начала и до самой смерти работал Дональд Маклейн – английский лорд, ставший нашим разведчиком. Он перешел в ИМЭМО вслед за моим мужем из «Международной жизни». В Англии Маклейн делал прекрасную карьеру в их МИДе – и, соответственно, передавал Сталину военные секреты союзников.

Дональд Маклейн был в институте лучшим другом Д. Е. Для меня это фигура во многом непонятная, но, безусловно, трагическая. Рассказывать о нем больше не стану, так как сейчас история группы Филби, в которую входил Маклейн, очень подробно объяснена и рассказана в нашей печати.

Естественно, в секторе Д. Е. Дональд занимался Англией. Францией занимался Юрий Рубинский – тоже мощная личность, блестящий специалист и умнейший человек. В 1970-е Рубинского забрали в МИД, и он долгое время работал в советском посольстве во Франции.

Из других ведущих специалистов сектора Д. Е. Черкасов вспоминает еще Дашичева – друга моего мужа. Тот тоже был видный германист, знаток фашизма. К сожалению, его труды недооценены. В 1980-е он, по-моему, работал на ГРУ. Карьере Дашичева мешало то, что он был сыном начальника штаба, одного из наших первых маршалов, казненных в 1937 году Сталиным.

Еще Черкасов вспомнил из сотрудников мужа Инессу Михайловну Иванову – дочь крупного партийного вождя Родионова, расстрелянного по «Ленинградскому делу». Но Иванова не то в 1960-е, не то в 1970-е из института ушла.

И наконец, Германией – а точнее, ФРГ – занимался сам Д. Е.

Теперь начну цитировать П. Черкасова...

«До самой смерти – пишет П. Черкасов – он (Д. Е.) остается работником этого института. Из них 21 год возглавляет сектор международных политических проблем Европы, входит в ученый совет института, воспитывает множество учеников. <...> Трудно даже перечислить

---

⁴ Для сравнения: в институте Варги было, наверное, не больше двух дюжин ученых.

⁵ В день смерти М. М. Жванецкого президент Путин произнес слова скорби и признания заслуг усопшего.

все, сделанное им в современной германистике и в европейских исследованиях за сорок лет неустанной работы. Два десятка книг и брошюр, многие десятки глав и статей, общий объем которых превышает 300 печатных листов».

Все это звучит для меня невразумительно. Особенно, когда Черкасов пишет о трехстах печатных листах книг, брошюр и многих десятках «глав и статей».

Львиную долю в этих трехстах листах занимали обязательные (плановые) разделы в плановых сборниках, которые Институт регулярно издавал. Муж писал их по принуждению, и они, в большинстве своем, представляли пустышки, переливание из пустого в порожнее. То были оснащенные цитатами из классиков марксизма-ленинизма и снабженные более-менее современными цифрами нудные рассуждения о «загнивании» капитализма-империализма в современной Западной Европе.

Конечно, я понимала, что Д. Е. вынужден был писать эти плановые работы, но не могла взять в толк, почему он не пишет, как многие тогда, в стол...

Только теперь, спустя много лет после смерти мужа, я осознала, как мучительно трудно было Д. Е. отстаивать свои взгляды в Институте и пытаться хоть как-то повлиять на внешнюю политику Советского Союза.

Цитирую снова П.Черкасова: «Первым из советских политологов-международников он начал изучать Федеративную Республику Германии с момента ее создания...» И далее: «В течение сорока лет, он (Д. Е.) отстаивал идею “единой германской нации”, отвергая сомнительную теорию “социалистической нации”, выдвинутую идеологами СЕПГ и подхваченную пропагандой КПСС. А для этого в те годы требовалось немалое мужество.

Он всегда был убежден в исторической неизбежности воссоединения двух германских государств, созданных в обстановке “холодной войны”».

Правда, на мои вопросы уже в конце 1970-х, возможно ли объединение двух Германий, муж отвечал: возможно только в случае третьей мировой войны, то есть в случае каких-то глобальных катаклизмов. Естественно, международник Д. Е. не мог представить себе, что «глобальные катаклизмы» произойдут как раз в нашей стране...

Тот же Черкасов рассказывает, с каким трудом и Д. Е., и институт отбивались от бессмысленных нападок реакционных сил в самом СССР – условно говоря, от «сусловцев» во внешней политике.

Особенно поразил меня рассказ П. Черкасова о скандале Д. Е. с советским послом в ГДР Абросимовым, дошедшем аж до Политбюро ЦК КПСС. Привожу описание этого скандала в работе Черкасова.

21 января 1970 года Абросимов в телеграмме главе германского отдела МИДа Фалину и министру Громыко высказал возмущение интервью журналу «Шпигель» проф. Мельникова⁶, который «не только не отклонил утверждения корреспондента “Шпигеля” о якобы особом характере отношений ГДР и ФРГ, но и по существу подхватил их. Так, на вопрос, может ли существовать между ФРГ и ГДР более тесное сотрудничество, чем между государствами различных наций, т. Мельников ответил утвердительно и сказал, что такие отношения могут существовать между двумя государствами в области науки, культуры, а также экономики»...

Громыко ответил на донос «соломоновым решением» – так пишет Черкасов, – разослал (донос) членам Политбюро КПСС... В результате, как я понимаю, Фалину удалось замять все это дело. Тому самому Фалину, который, по моим представлениям, был ультрареакционным политиком, долгие годы утверждая, что к договору Молотова – Риббентропа никаких секретных протоколов не прилагалось. Однако в случае с Абросимовым и Фалин не мог поддержать этого тупого чинушу.

---

⁶ Псевдоним Д. Е. Меламида, который он вынужден был взять после войны, во время борьбы с космополитизмом в СССР, и под которым печатался всю жизнь.

Но вернусь к Д. Е.

Со «Шпигелем» связан и другой инцидент. Помню, что этот влиятельнейший и известнейший во всем мире журнал предложил Д. Е. стать у него колумнистом... Но Д. Е. по решению инстанций должен был от этого лестного и выгодного Советскому Союзу предложения отказаться...

Насколько я понимаю, официальная наша пропаганда по вопросу о Германии, а вернее, о ФРГ, заключалась в непрерывном повторении одной-единственной темы: ФРГ – оплот реваншизма и неонацизма. Правители ФРГ спят и видят, как бы продолжить дело Гитлера – подготовить новую войну против Советского Союза... А между тем это было не так, тем паче, что в 1960-е в ФРГ к власти пришли новые политики – социал-демократы... Да и денацификация проходила там всерьез. Общество осознало чудовищные преступления нацистов, люди поняли, какой ущерб нанес Гитлер не только чужим народам, но и своему...

И в отношении Западной Европы Д.Е. высказывал зачастую глубокие, почти провидческие мысли. Так он утверждал, что Европа будет вынуждена объединяться – это неизбежно. На моего мужа ополчились не только официальные инстанции, но и все друзья и знакомые – и, по-моему, институтские коллеги тоже... Мол, капстраны не могут объединяться, противоречия между ними все время углубляются, еще Маркс писал... Еще Владимир Ильич сказал... И т. д. и т. п.

(Мне очень жаль, что Тэк не дожил до ЕС, до единой общеевропейской валюты евро и до брекзита тоже – чтобы осуществить его, энергичная Мэй потратила весь свой срок у власти, но так и не смогла этого сделать, а сверхэнергичный Борис Джонсон бился над ним несколько лет...)

Время шло – но, увы, работало отнюдь не на пользу талантливых и непохожих.

В 1976 году мужу стукнуло 60 лет. Решено было устроить банкет и для домашних друзей, и для сотрудников ИМЭМО.

Все, казалось бы, прошло замечательно. Тамадой был Зиновий Паперный – знаменитый остряк и литератор, знаковая тогда фигура. Он договорился с Домом актера – самым модным заведением в ту пору, – написал конференс. Впоследствии на банкет пришла и другая знаменитость того времени – Юрий Мирский, талантливый международник-плейбой. В банкетном зале всем распоряжались наши молодые – сын Алик и его жена Катя.

На самом деле юбилей Д. Е. прошел незаслуженно тускло. Никто из начальства института в Дом актера на Тверскую не пришел. Д. Е. не получил ни официальных поздравлений, ни адресов, я уж не говорю об орденах и медалях – даже похвальных грамот я не видела. По-моему, кроме наших друзей и сотрудников сектора, никто Д. Е. даже не поздравил.

Однако это далеко не все. Кроме, так сказать, повседневных, текущих замалчиваний, нападок и обвинений, Д. Е. порой оказывался в тяжелейших ситуациях, несколько раз у него грозили отобрать партбилет, что означало гражданскую смерть.

Первый раз это было связано с «делом Некрича». Второй – с предполагаемой публикацией нашей общей книги о Гитлере в «Новом мире», третий – с отъездом нашего сына Алика на ПМЖ, то есть с его эмиграцией.

О своих переживаниях и огорчениях в институте Д. Е. мне никогда не рассказывал. Не только потому, что наши отношения время от времени разлаживались, но еще и потому, что не хотел выглядеть ни в чужих глазах обиженным и слабым. Только после смерти мужа я, не найдя никаких его дневников, писем и личных записей, обнаружила многочисленные, напечатанные на машинке записки с его объяснениями, покаяниями, извинениями за какие-то статьи, выступления или просто высказывания по германскому вопросу. Нашла и подумала: «Боже мой, и почему он всегда должен был в чем-то каяться, признавать свои ошибки, свою вину и т. д.? Как это ужасно, как унижительно!»

И все это происходило в 1960-е, которые из сегодняшнего дня кажутся многим людям такими лучезарными!

Первая более-менее публичная протестная история, в которой был замешан Д. Е., именуется «делом Некрича», о котором я подробно написала в своих мемуарах «Косой дождь». Однако вкратце придется напомнить суть этого «дела».

Александр Некрич – для нас с Д. Е. просто Саша, поскольку он жил с нами в одном доме, – написал небольшую книгу по заказу издательства «Наука», под названием «1941. 22 июня». Книга эта прошла шесть цензур: обычную главлитовскую, военную, Комитета госбезопасности, мидовскую, и, наконец, часть книги была согласована с отделом науки ЦК КПСС.

В книге Некрича были приведены интервью автора с некоторыми нашими военачальниками, в которых отмечались (очень осторожно!) ошибки военного командования в самом начале войны.

Книга вышла, и скоро в официозе – в газете «Правде» – появилась зубодробительная статья о ней. Расчет был на то, что автор признает свои грехи, покается.

Самое удивительное, что, хотя Некрич из всех наших с Д. Е. знакомых был самым ортодоксальным коммунистом, однако каяться он не захотел. Как раз наоборот – проявил немислимую активность, организовав в Доме ученых обсуждение своего труда. Среди присутствующих – пришли человек 150 – были и военные (генералы), и историки, в том числе Д. Е.

Обсуждение закончилось неожиданным вердиктом: мол, книга в основном правильная, никакой лжи в ней нет. Попутно выступавшие, а среди них был и диссидент Е. Гнедин – бывший крупный работник МИДа, а потом сталинский зэк, – высказывали свое отношение к сталинскому командованию гораздо более радикально, нежели автор книги. Поговорив и поспорив, историки пришли к мнению, что книга «1941. 22 июня» полезная. В общем, некричевский труд одобрили. Это бы еще полбеда – но кто-то из присутствующих в Доме ученых происходящее записал и передал на Запад. Запись подхватили «вражеские голоса»...

В итоге Некрича вызвали в комиссию партийного контроля, во главе с членом Политбюро Пельше... и исключили из КПСС⁷.

А через некоторое время решили обсудить и всех выступавших в дискуссии о книге Некрича, в том числе и Д. Е.

Тогда-то Д. Е. и решил, что произнесет речь, в которой выскажет все, что думает и о Пельше, и о его комиссии, и вообще обо всей партийной системе Советского Союза. Однако, хотя Д. Е. и вызвали «на ковер», отпустили его всего лишь с выговором, даже не со «строгачом». И речь оказалась произнесенной.

В бумагах мужа я нашла резолюцию парткома о снятии с Д. Е. выговора, наложенного на него Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС, – вот только не обнаружила там справки о том, сколько сосудов в его мозгу пострадало от этой гадкой истории.

В это же примерно время мы с Д. Е. задумали и начали писать книгу «Преступник номер 1» о Гитлере... – вернее, о тоталитарном строе в Германии, похожем на любой другой тоталитарный строй. И это опять же грозило Д. Е. потерей партбилета.

Однако все же следует объяснить, что потеря партбилета означала для Д. Е. отнюдь не только утрату престижной и хлебной работы – Д. Е. был коммунистом идейным. Сейчас это звучит, может быть, смешно, но в ту пору таковыми были миллионы и советских людей, и европейцев, считавших, что капитализм себя изжил.

Из всех наших многочисленных общих друзей понимали Д. Е. только Борис Слуцкий и, возможно, англичанин Дональд Маклейн.

---

⁷ С работы Сашу не уволили, но все же «выдавили» из страны. Он надеялся, что в эмиграции получит кафедру либо в Англии, либо в США. Поселился в Бостоне, рассчитывая, видимо, на работу в Гарвардском университете. Ничего не вышло. И только в годы перестройки Некричу разрешили приезжать на родину.

Но что было, то было.

Глядя назад, с высоты своих ста лет, считаю, что Д. Е. был по своей природе политиком – может быть, очень крупным политиком.

Однако политиков в СССР не могло быть по определению – советская держава изначально была задумана и устроена на другой лад. Ей требовались не политики, а вожди и послушные исполнители их воли. Даже никаких особых мнений людям иметь не надлежало.

* * *

Ну а теперь пора все же сказать, что, кроме огромных достоинств – ума и таланта, – Д. Е. обладал многими недостатками, может быть, и относительно мелкими, но весьма чувствительными, а подчас и непростительными.

Еще во времена нашего тассовского романа я была свидетелем, как из-за эгоизма моего будущего мужа и его семьи тяжело страдала мать Д. Е.

В начале войны маму Д. Е., Клару (отчества не знаю), вместе с сестрой их мужа – Ефим Меламид и Моисей Гольдфарб – отправили в эвакуацию. Года два-три сестры там мучились, голодали. Но потом Гольдфарбу все же удалось получить пропуск и привезти свою жену в Москву. Клара осталась одна, больная: у нее был туберкулез, как говорили тогда, чахотка, и в самой тяжелой форме. Разумеется, Д. Е. достал пропуск в Москву для своей матери. Дело было за малым: вызволить Клару и привезти домой, что должен был сделать Ефим Александрович. И тут начался «отлов» этого, хотя и чрезвычайно способного, но совершенно безответственного человека. Иначе, чем «отловом», сию процедуру не назовешь. Ефим Александрович скрывался то у одной дамы сердца, то у другой. Был неуловим.

Клару, уже умирающую, привезли сразу в больницу. Там она и скончалась.

Помню, что, наблюдая со стороны эту трагедию, я возмущалась будущим мужем. Неужели он не мог бросить на несколько дней все свои дела, чтобы забрать мать в Москву? Однако сам Д. Е. и тогда, и многие годы спустя винил в смерти матери семейство Гольдфарбов: мол, как родная сестра осмелилась уехать и оставить Клару одну!

И здесь я позволю себе сделать небольшое отступление.

Как это ни смешно звучит, но наш с Д. Е. талантливый сын Алик по-своему интерпретировал историю бабушки по отцовской линии. По его мнению, бабушка была пламенной советской патриоткой и даже чуть ли не... агентом НКВД. Об этом будто бы свидетельствует ее стремление поскорее вернуться на родину, в Советский Союз, после того как к власти в Германии пришли гитлеровцы.

Почему бы этой больной туберкулезом женщине вместе с тремя детьми и мужем Ефимом не двинуться прямым ходом (видимо, пешком!) в Палестину? Это в Палестину-то – тогда еще пустыню, жаркую и безводную? (Ведь жара, как известно, очень «полезна» чахоточным...) Почему бы ей и ее мужу не сражаться в этой пустыне с арабами, верховный муфтий которых не расставался с портретом Гитлера? Почему бы больной Кларе не участвовать также в перестрелках с англичанами? Палестина была в ту пору, как известно, подмандатной территорией Британии. И до Второй мировой войны, и до Холокоста англичане и не помышляли о том, чтобы отдавать сию территорию каким-то евреям.

Добавлю к этому только, что большая группа еврейских писателей из Берлина (в их кругу тогда вращался Ефим Александрович) тоже срочно отбыла в Советский Союз, а вовсе не в Палестину.

Ну а теперь продолжу рассказ об эгоизме и легкомыслии Д. Е. – о том, что эти качества мужа приводили порой к смешным эпизодам.

Однажды, когда муж довел меня до того, что разводиться решила я (до того подавал на развод Д. Е.), выяснилось, что уходить от меня к отцу ни Алик, ни Ася⁸ не желают. Эту сценку не могу не воспроизвести.

Итак, я сообщила домашним, что намерена развестись с Д. Е., и сказала далее, что Алик остается со мной, Ася уходит вместе с отцом. «А вас, Шура (наша домработница, почти член семьи, неграмотная, но умная женщина, афоризмы которой повторяли все наши многочисленные друзья), мне придется уволить».

Все трое в гробовом молчании выслушали мои слова, после чего Алик ушел к себе в комнату, нарочито громко хлопнув дверью, – очевидно, в знак недовольства мною. Ася также молча похромала к себе. Не в меру словоохотливая Шура на сей раз, не сказав ни слова, отправилась на кухню. Но не прошло и получаса, как Ася появилась в комнате, где я печатала на машинке очередную статью или перевод, и сердито заявила: «Я с отцом жить не буду. Останусь с вами и с Аликом. Не выгоните же вы на улицу больного человека». Не успела уйти Ася, как появилась Шура, обожавшая Д. Е. (она даже называла себя не своей настоящей фамилией Панина, а Меламидовой и вечно собачилась со мной), и на сей раз просительным тоном сообщила, что остается со мной и с детьми. Готова обойтись без зарплаты: будет работать приходящей работницей у посторонних, а все деньги приносить мне.

Весьма занимательно прокомментировала сию сценку моя подруга Муха-Мухочка:

– А ты как думала? Кто из них от тебя, дура, уйдет? Д. Е. они любят, а ты им надоела хуже горькой редьки. Но только не думай менять квартиру, ведь и Тэк тоже никуда не денется, ты же и его не выгонишь...

Однако эпизоды с грозным названием «развод» случались не так уж часто. Обычно, когда дети подросли, мы с мужем просто разъезжались и жили врозь. Я – по несколько месяцев в Подмосковье, в Доме творчества Переделкино.

Правда, когда муж находился в особенно трудном положении, например, когда шло «дело Некрича», мы заново съезжались. Иногда это происходило и в относительно спокойные времена. Просто Д. Е. тогда переставал позиционировать себя «мальчиком резвым, кудрявым», или, скорее, плейбоем-иностранцем.

И вот вся семья что называется в полном сборе.

Тут мне вспоминается такая картина. В столовой или в кабинете у нас, на ул. Дм. Ульянова, долгие часы сидит-мается какой-нибудь незнакомый субъект. Ждет Д. Е., который назначил ему прийти, скажем, ровно в шесть пополудни, а сам опаздывает на два-три часа и является аж поздно вечером.

Как-то раз субъекта звали Веня (фамилию не помню). Он приехал с Украины и был, по его словам, мужем покойной двоюродной сестры Д. Е. Этот Веня приезжал даже в Переделкино, где Д. Е. ему назначал свидание, а сам не являлся. Продолжалась погоня Вени за Д. Е. довольно долго. Как я поняла, скромный украинский учитель Веня осел в Подмосковье у какой-то любвеобильной тетушки, а набеги к Д. Е. воспринимал как светскую жизнь. В Переделкине, у меня в номере, он не раз встречал даже поэта Андрея Вознесенского – на самом деле жену поэта Зою Богуславскую, но в Вениной интерпретации Зоя превратилась в Андрея. За что я его нещадно отругала.

И таких Веня у нас было несколько.

Помню также, что в нашем доме много месяцев подряд в шесть часов пополудни раздавался телефонный звонок. Это звонил сын покойного Комарденкова – прекрасного театрального художника, учителя Алика перед поступлением в Строгановку.

---

⁸ Дочь Д. Е. Меламида от первого брака.

Сыну покойного Комарденкова⁹ Д. Е. обещал оказать протекцию для поступления в МГИМО, но звонил тот, видимо, совершенно напрасно – думаю, Д. Е. уже забыл и о нем, и о своем обещании оказать протекцию.

Для Д. Е. обещать и нарушить слово вообще ничего не значило.

Особенно возмущало меня отношение мужа к... машинисткам. В 1920-е русских машинисток называли «пишь-барышнями». В мое время это были не барышни, а солидные матроны. И вот Д. Е. предлагал такой матроне явиться к нему домой вместе с машинкой – отнюдь не портативной – допустим, во вторник, в два часа дня. Та являлась ровно в два и, расчехлив машинку, начинала ждать Д. Е. Ждала час-два. Иногда потом работала с Д. Е. Иногда, не дождавшись его, уходила домой.

Машинистки играли большую роль в жизни Д. Е. Он не любил писать от руки своих статей и даже диссертаций, что кандидатской, что докторской, – предпочитал диктовать их, имея перед глазами бумажку с краткими тезисами.

Первую приходящую машинистку звали Регина Исааковна. Малыш Алику переименовал ее в Регину Писаковну.

С годами такие качества Д. Е., как необязательность, забывчивость, неуважение к чужому труду, усугублялись. Особенно это стало заметно по его диссертациям. Первая, кандидатская, еще была, как я уже писала, отличной работой. Вторая, докторская, перепевала первую, но с куда большим количеством страниц и даже состояла из двух томов в твердом переплете. Страницы в ней матроны-машинистки специально «разгоняли», увеличивая поля и расстояния между строками.

Недостатки Д. Е. задевали меня особенно сильно потому, что я была воспитана мамой совершенно в другом духе. Мама была поистине безупречным работником. Подозреваю, что за сорок лет работы в ТАСС она ни разу не прогуляла, ни разу не опоздала, ни разу не ушла раньше положенного, ни разу не схалтурила, ни разу не пропустила трудного слова в своих переводах, ни разу не бросила начатого, не доделаив. При этом мама была, безусловно, талантливым человеком и, кроме всего прочего, отличной матерью мне и такой же отличной бабушкой крохе Алику.

Когда Алику было четыре годика, у него обнаружили гнойный аппендицит и его срочно оперировали. И вот моя мама уже в шесть часов утра, перед работой, мчалась в больницу, где лежал внук, а потом полчаса-час простаивала перед мутным больничным окошком, чтобы увидеть малыша. Внутри больницы родственников не пускали якобы из-за боязни инфекции – в действительности, по-моему, из-за садизма бюрократов, управлявших в СССР всем на свете, в том числе и больницами. Пусть малые дети страдают без близких, без их ласки, без их добрых слов...

Но речь о Д. Е., а не о моей маме.

Продолжу эту тему.

Д. Е. – отец художника-нонконформиста

Безусловно, самый тяжелый удар Д. Е. нанесла эмиграция сына.

Не знаю, обладал ли он особым отцовским чувством. Мой добрый непрактичный папа без памяти обожал меня, а потом перенес свою любовь и на Алику. Но я была единственной папиной дочкой, а Алику – единственным внуком.

У мужа было несколько детей, рожденных в браках, а после его смерти объявилась и внебрачная дочь.

Но фактически воспитывал он только Алику.

---

⁹ Комарденков Василий Петрович (1897–1973) – живописец, сценограф, график, преподавал в Строгановском институте.

Дочь Д. Е. от первого брака Ася четырнадцать лет, почти с рождения, пролежала в различных костно-туберкулезных санаториях на особых кроватях. Потом, поскольку мать от девочки отказалась, Ася жила с нами. После, уже взрослая, получила от нас однокомнатную кооперативную квартирку и поселилась одна. Она оказалась умной, порядочной и чрезвычайно общительной женщиной, у нее появилось множество друзей – в основном девушек, страдавших в прошлом тем же недугом. Умерла Ася от рака уже после смерти отца. Ее подруги и я похоронили Асю по христианскому обряду: незадолго до смерти она уверовала в бога и приняла христианство.

Надо сказать, что главным опекуном Аси и заступником» за нее в нашей семье был благородный Алик. Со стыдом признаюсь, что я стеснялась выходить с Асей на улицу, так она ужасно выглядела, а подросток Алик охотно прогуливался с ней по бульвару рядом с тогдашним нашим домом. И в дальнейшем всячески защищал ее – спасал от моего гнева за то, что она у себя в комнате разводила несусветную грязь. Спасал и от ворчания нашей домработницы Шуры. В особо бурные моменты даже мыл в комнате у Аси пол...

Но вернемся опять к Д. Е.

Думаю, что он был очень привязан к Алику. Более того, понимая, что сам не сумел реализовать своих способностей, надеялся, что сын будет удачливее. Д. Е. безоговорочно верил в Алика, в его таланты и ум и, мало что понимая в закидонах сына, готов был их всегда поддерживать – никогда не задумывался о том, что сыновьи выходки могут погубить отцовскую карьеру. Все детство сына Д. Е. поощрял его увлечение искусством, привозил ему из командировок дорогие альбомы работ современных художников.

Помню, что Д. Е. и Алик обожали мужские беседы на зеленом диване в кабинете. Д. Е. долго-долго развивал перед сыном свои оригинальные концепции, Алик, как мне казалось, внимательно его слушал. А потом говорил одну и ту же фразу: «Папон, ты ничего не понимаешь...» – и начинал излагать свои размышления.

Именно Д. Е. реально помог Алику поступить в Строгановский институт, что было не так-то легко: антисемитская кампания отнюдь не прекратилась со смертью Сталина. К тому же у Алика было чудовищное отторжение от всего советского, в том числе и от школы, которая, как могла, портила ему жизнь – в частности, характеристиками, предназначенными для поступления в институт. За год до экзаменов Д. Е. уговорил своего сослуживца Германа Михайловича Свердлова (родного брата Якова Свердлова – сподвижника Ленина, умершего в 1919-м и потому неразоблаченного в годы сталинского террора) бесплатно читать в Строгановке лекции по международному положению. Надо добавить, что Герман Михайлович считался в те годы лучшим в СССР лектором-международником.

Однако жизнь Алика складывалась нелегко. В начале 1960-х (по-моему, в 1962-м) он закончил институт и остался без работы. Кажется, год прожил в Архангельске, где трудился в местном театре как художник. Об этом театре и о патриотических пьесах, которые Москва сбывала в провинцию, мы узнавали из остроумных, отчаянно смешных писем Алика.

Вернувшись в Москву, сын устроился учителем рисования в художественную школу на Пречистенке, которую закончил когда-то сам и где по-прежнему директором была Нина Николаевна Кофман – в пору Аликиного отрочества жена художника Глускина, учителя сына... Получал Алик, разумеется, гроши.

Но уже началась работа сына с Комаром. Возник соц-арт... А потом – Бульдозерная выставка.

Жил Алик до поры до времени дома – но «отдельной» жизнью. Появилась и Катя Арнольд...

Теперь понимаю, что в нашей семье мой муж и я по отношению к Алику исполняли разные функции: я – жена – должна была отвечать за материальное благополучие сына; отец – помогать Алику в его духовных запросах, в творчестве. Для меня это творчество (со-царт)

было делом опасным для жизни, для Д. Е. – чем-то священным, и притом главным, хотя всю опасность политических задумок К&М¹⁰ он понимал лучше меня. Но, видимо, не хотел об этом думать.

Я часто возмущалась тем, что муж совершенно не интересуется материальными делами сына: есть ли у него деньги на жизнь. Особенно меня это сердило, когда у Алика появилась собственная семья и маленький ребенок. Теперь думаю, что Д. Е. настолько надеялся на меня, доверял мне, что вообще не хотел размышлять на эту тему.

Итак, я отвечала за материальное положение сына, а Д. Е. – за его творчество.

В жизни каждого советского человека главным был «квартирный вопрос», особенно это касалось художников – им нужно было помещение для работы. И МОСХ, аналог нашего московского отделения Союза писателей, давал московским художникам мастерскую для работы. Но кто же станет принимать опального художника Алика в МОСХ? То же самое относилось и к соавтору сына Виталию Комару. Правда, до поры до времени ему предоставлял свою мастерскую отец его жены Иры Дегтяревой, тоже художник. И в этой мастерской Комар с Меламидом устроили перформанс «Рай». «Рай» посещали молодые ребята со всей Москвы. Естественно, этот «Рай» стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Дегтярева. Ирочка развелась с Комаром, и помещения для работы не стало.

Таким образом, мне предстояло не только предоставить семье Алика сносную квартиру, но и предусмотреть в ней отдельную комнату для Алика – Виталика. Отец Алика, разумеется, палец о палец не ударил, чтобы помочь в квартирных делах. Однако уже после того, как два с половиной года спустя Алик с семьей эмигрировал, а его квартиру, где и была эта самая большая комната-мастерская, государство отобрало, Д. Е. ни разу не упрекнул меня в том, что я пожертвовала для обмена нашей, казавшейся тогда роскошной, стометровой квартирой, ни разу не посетовал, что я, в сущности, совершенно напрасно потратила уйму сил и денег.

Пока я занималась обменом, он занимался более важными делами – творчеством К&М. Думаю, что отцовская вера в искусство сына очень помогала Алику и Комару. Конечно, среди участников Бульдозерной выставки были и вполне взрослые люди, например, художник Рабин, но вряд ли тот обладал таким интеллектуальным кругозором, как Д. Е.

Впрочем, и чисто животный отцовский страх за любимого детеныша иногда просыпался в Д. Е. Однажды сын пропал: ушел от своего приятеля часов в одиннадцать вечера, а вернулся домой только на следующее утро – загулял с будущей женой Катей, которая под каким-то предлогом приехала в Москву из Эстонии, где отдыхала с семьей. Д. Е. тогда первый забил тревогу и поднял на ноги всю московскую милицию.

Некоторые мудрые родители, когда я вспоминаю эту историю, уверяют, что наши волнения были смешны: мол, взрослые парни, могут, не докладывая родителям, не ночевать дома, и упрекают меня в том, что я уже тогда перестала жить в современном мире. Мол, на Западе уже давно отпускают своих отпрысков в возрасте восемнадцати лет на все четыре стороны.

Возможно, это так. Но и на Западе, как у нас, люди не знают, каким образом надо воспитывать детей, и там свои, зачастую общие с нашими, проблемы: страх перед неизлечимыми болезнями, наркотиками... Большие города, как у нас, так и на Западе, никогда не станут в этом смысле безопасными – поэтому бояться надо!

Уже после отъезда Алика в эмиграцию я выяснила, что Д. Е. бывал на всех серьезных акциях сына. Он привез картины К&М на нашей машине к пустырю в Беляеве, где проходила так называемая Бульдозерная выставка, и стоял там среди иностранных журналистов – давал им свои пояснения. А ведь встречи с иностранцами без специального разрешения гбухи грозили пребыванию Д. Е. в КПСС и, соответственно, его работе в институте.

---

¹⁰ Виталий Комар и Александр Меламид.

Присутствовал Д.Е. и на перформансе в Аликиной однокомнатной квартирке, возникшей в процессе обмена. Алик использовал ее как мастерскую и устроил там перформанс. И вот целая армада милиционеров захватила мастерскую. К счастью, к происходящему сразу подключился Некрич (он жил в том же подъезде, где была мастерская К&М), а потом и Д. Е. Когда я там появилась, вопрос был улажен. Я, правда, подняла крик, сказала, что не пущу Алика (хозяина квартиры) в милицкий участок. В то время, в 1970-е, ходил слух, будто в милиции диссидентам одним ударом в спину отбивают почки.

На так называемые квартирные выставки Д. Е., по-моему, и не звали – впрочем, точно не знаю.

Не помню, когда Меламид-младший сообщил нам с Д. Е., что намерен подать документы на эмиграцию – без нашего согласия это невозможно было сделать. Разрешение на отъезд должны были дать я, мать Алика, отец Алика, а Комару – его мать Софья Владимировна. А со стороны Кати – ее мама Нина Александровна, которая вообще не работала в штате, то есть ей отъезд дочери ничем не грозил.

Я была членом Союза писателей – сугубо идеологической организации, но у которой и без меня рот был полон хлопот: писатели в ту пору сильно диссидентствовали.

Мать Комара тоже могла избежать больших неприятностей. Эта энергичная дама, пламенная партийка, работала юристом в сфере торговли, где на вес золота ценились особые качества: знание тонкостей, хитростей торговли при социалистической системе, а также личная честность. Все тонкости-хитрости Софья Владимировна, видимо, знала и при этом была безусловно честным человеком.

Единственным, кому отъезд сына грозил опасными последствиями, был Д. Е.: его могли запросто и рассекретить, и исключить из партии, и уволить с работы, да и лишить права на профессию историка-международника.

В своей мемуарной книге «Косой дождь» я написала: мол, тот факт, что Д. Е. не подвергся особым репрессиям, можно сказать, легко отделался, надо приписать исключительно порядочности директора его института Н. Н. Иноземцева. Не умаляя заслуг Иноземцева, уверена, что он согласовал свою позицию с другими академиками-международниками, а также кое с кем из отдела науки ЦК. Видимо, синклитом партийных мудрецов-ученых было принято мудрое решение: трактовать отъезд Меламида-младшего как дурацкую эскападу плохо воспитанного недоросля, который сдуру захотел променять «социалистический рай» на «капиталистический ад».

К счастью, после подачи документов Алик и Комар довольно быстро получили разрешение на отъезд. А ведь нередко гэбэшники, следуя своим инстинктам садистов, годами мариновали бедолаг, подавших документы на выезд, не говорили им ни да ни нет. Людей увольняли с работы, они мыкались без дела, без денег, гибли их судьбы, их браки. И таких несчастных насчитывалось немало.

Не помню, были ли у меня на эту тему разговоры с мужем. Но зато помню, что мы оба в предотъездные дни, позабыв свои дела, бывшие распри и обиды, неотлучно были с Аликом и его женой. С утра заезжали за ними на нашем «Москвиче» и целый день мотались по их эмигрантским делам. Кормили ребят иногда в центре, в кафетериях, иногда недалеко от дома в ресторане «Черемушки» – был тогда такой у метро «Академическая».

Дети – Андрюша и Даня – все это время находились у матери невестки. Иногда, впрочем, Даня ночевал у нас – детская кроватка всегда стояла в спальне на ул. Дм. Ульянова.

Последнюю ночь в Москве трехлетний красавец и умница Даня провел с нами. Помню от слова до слова его детский лепет перед сном, но не стану воспроизводить его на бумаге – шажу свое больное сердце.

Навсегда запомнила я и день отъезда сына в эмиграцию. Поразила меня в тот день грубость работников Шереметьево-2 – видимо, тех, кого мы теперь именуем силовиками, а тогда

называли из органов. Поразило особенно, потому что, когда я в 1960-е встречала в том же Шереметьево-2 немецких писателей из капстран, те же «силовики» были идеально вежливы.

И еще одно было странно и непривычно: Алика провожала толпа незнакомых мне и Д. Е. молодых людей. То и дело полумрак зала освещали вспышки фотоаппаратов (через несколько дней нам домой принесли целую кипу снимков: но в толпе лишь изредка мелькали знакомые лица – ученики Алика, ученики Кати).

Мы, маленькая кучка ближайших родственников, были как бы сбоку припека. Никто из нашей родни и друзей, конечно, не пришел, не явились и родные невестки – только ее мама Нина Александровна, да еще брат Дима Арнольд, гениальный математик. Помню, он спрашивал меня: «Они и правда занимаются чем-то новым? Может, я должен был Кате больше помогать?» (Замечу в скобках: несмотря на то что я была тогда как бы в ступоре, слова Арнольда меня поразили. Впервые я поняла, что вся семья Арнольдов фактически на иждивении Димы.)

Но самое главное, что я только много лет спустя осознала: толпа провожающих прощалась не с Аликом, а с художником-нонконформистом Меламидом. Для них Алик был не просто бунтарь, а выразитель дум и помыслов части советской молодежи.

Но вот все кончилось. Правда, и Комар – он уехал позже, – и ученики Алика приходили к нам каждый раз, когда Алик звонил еще с дороги.

Первым, кто из нас двоих что называется опомнился, был Д. Е. Он теперь выходил из дома только в свой институт и, как ни странно, занялся домашними делами. Начал активно обустроить нашу уютную, неотрестованную, полученную в результате обмена для семьи Алика квартиру. Причем действовал Д. Е. куда более умно, нежели действовала бы я. Сразу отправился вместе со мной к районному начальнику по ремонтам и молча положил ему на стол какую-то купюру (какую именно, я, конечно, не помню). После чего начальник дал нам лучшего мастера, чтобы тот привел в порядок «места общего пользования» – так назывались в ту пору сортир и ванная комната.

Лучший мастер, молоденький паренек (кажется, ему минуло всего 22 года и за свою отличную работу он получил отдельную квартиру) был трудоспособен только с восьми утра до часа дня. После 13:00 он уходил на обеденный перерыв и возвращался в дымину пьяный. Никакие мои уговоры, никакие обещания накормить паренька хорошим обедом и даже поставить на стол поллитра не помогали. Парень – золотые руки уходил и приходил совершенно нетрудоспособным – можно представить себе, что ждало через несколько лет его жену и двоих детишек!

Однако прежде, чем вернуться к моей теме, рассказу о жизни Д. Е. после отъезда сына. Должна признать: двадцать лет капитализма, пусть «российского капитализма», не прошли даром. Люди научились работать. Когда изредка моя помощница, а теперь и сиделка Лена вызывает мастера, к нам приходит молодой человек новой формации и, ни слова не говоря, делает свое дело. И тут я понимаю, что двадцать путинских лет дали свои плоды – таких молодых мастеров прежде я видела только в Германии.

Однако вернусь к тем далеким 1980-м, трудным и печальным годам нашей жизни с Д.Е. без Алика. К сожалению, я никак не могу вспомнить, в какой именно роковой год Д. Е. сразила неизлечимая болезнь – инсульт, а вслед за ним серия точечных инсультов. Тем самым не знаю точно, сколько лет он проболел.

Зато помню отчетливо все, что случилось в первый день его хвори. Я тогда собиралась ехать в литфонд за путевками для нас в Дом творчества в Дубултах, а Д. Е. с утра ушел в институт. Как вдруг раздался звонок в дверь, и я увидела на пороге одного из сотрудников ИМЭМО, а за его спиной самого Д. Е., который почему-то норовил уйти от нашей входной двери на противоположный конец длинной лестничной площадки. Помню, что после того, как я уложила Д. Е. на зеленый диван в кабинете, он, путая слова, пытался понять, что с ним случилось: почему он дома, а не на работе, что вообще с ним происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.